

С каждым ударом барабана напряжение нарастало, и вдруг с небес, словно по мановению волшебной палочки, спустился алый шелковый стяг, опустившись в самый центр сцены.

Гул барабанов стих. Раздались протяжные звуки флейты — словно крохотный камешек упал в кристально чистое озеро, пуская по воде бесконечные круги.

Мелодия флейты резко ускорилась, и из-под купола, скользя по алому шелку, опустился танцор в небесно-голубом одеянии. Он приземлился на сцену с легкостью пушинки.

Его темные волосы были перехвачены лишь простой светлой лентой, выглядя небрежно и свободно. Лицо скрывала вуаль, сквозь которую лишь угадывались черты, но истинной красоты разглядеть было невозможно.

Пара персиковых глаз сияла чистотой и живостью, а родинка у самого уголка глаза добавляла ему особой, чарующей притягательности. Стоило ему бросить мимолетный взгляд, как зрители замирали, словно лишившись души, не в силах оторвать взор от прекрасного видения на сцене.

Барабаны загремели вновь. Танцор отозвался на их зов, обнажив длинный меч, от которого повеяло холодом и жаждой крови.

Он легко сплел узор мечом, двигаясь подобно парящему дракону. Взмахи, выпады, тонкие уколы — в его движениях читалась дерзость и необузданная воля. С каждым ударом ритм становился все яростнее, а движения танцора — стремительнее, так что зрители едва успевали следить за мечом, видя лишь размытые тени.

В мерцающем свете ламп танцор и его клинок слились в единое целое, приковывая к себе всеобщее внимание.

На смену барабанам пришла нежная мелодия флейты. Движения меча сменили гнев на милость: в руках танцора клинок стал гибким, словно полоска белого шелка, невероятно мягким и податливым.

Звонкий щелчок — меч вернулся в ножны. Танцор взмыл вверх по алому шелку и скрылся из виду.

Прошло немало времени, прежде чем в Башне Ситай раздались первые робкие хлопки, и лишь тогда ошеломленная публика пришла в себя. Лица людей пылали, руки сами собой пустились в пляс, и вскоре вся Башня утонула в громе оваций.

— Как прекрасно! Еще! Повторите!

— Еще раз!

Крики сливались в единый гул, от которого, казалось, содрогались стены Башни Ситай.

— Получилось! — лицо хозяина Башни, привыкшее к дежурной улыбке, на этот раз выражало искреннее удовлетворение.

Выступление Минцина поразило даже его самого. Он и представить не мог, что у Минцина хватит таланта заставить всех присутствующих склониться перед его танцем.

В отдельном кабинете князь Чжао, пришедший лишь ради приличия, теперь чувствовал волнение. Все дело было в том, что выступление Первого номера Башни Ситай напомнило ему о знаменитом танцоре Юаньвэе.

Похож! Как же он был похож! И внешностью, и грацией — вылитый Юаньвэй из его воспоминаний. Конечно, князь понимал, что Первый номер Башни не может быть Юаньвэем, ведь Великий наставник никогда бы не позволил своему фавориту выступать перед другими.

Юаньвэя ему не заполучить, но этот человек... В глазах князя Чжао блеснул алчный огонек: этого он добьется во что бы то ни стало!

В другом кабинете Мо Лин сжал бокал так сильно, что тот рассыпался в пыль. Он, конечно же, узнал того, кто скрывался за вуалью. Это был его Цинцин, или, вернее, Юаньвэй.

Минцин в вуали был точь-в-точь как Юаньвэй из его памяти, лишь родинка у глаза была лишней.

Хотя этот танец с мечом отличался от того, что исполнял Юаньвэй много лет назад, в нем было нечто до боли знакомое. Мо Лин был почти уверен: Минцин и есть Юаньвэй!

Неужели Башня Ситай действительно связана с тем человеком? Мо Лин не мог поверить, что тот, кто учил его заботиться о простом народе, мог опуститься до столь гнусного работорговства!

Неужели все, чему он его учил, было ложью? Или тот мужчина все это время лишь играл роль перед ним?

Мо Лин закрыл глаза. Если это правда, то этот человек настолько фальшив, что от одной мысли о нем становится тошно.

Фэн Цзюцин, только что закончивший выступление, не подозревал, что на него повесили всех собак, и лениво болтал с Системкой.

— Системка, Янь-эр тоже пришел, как думаешь, сразил я его своим танцем?

Системка свернулась в клубок, не желая отвечать непутевому подопечному.

Фэн Цзюцин ткнул Системку пальцем. Та взъерошилась и в ответ укусила его, не причинив, впрочем, никакого вреда.

— Откуда мне знать! Ты не просил следить за Мо Лином, как я могу знать, очаровал ты его или нет?

Фэн Цзюцин скривил губы:

— Врешь. Системка, ты еще совсем юная, не перенимай плохие привычки у других.

— Да я по возрасту гожусь тебе в предки! Ты, непутевый!

Системка отвернулась, не желая больше видеть его лицо.

Фэн Цзюцин не унимался:

— Ну скажи, а? Системка, отец ведь любит тебя.

— Тридцать баллов, и Система просканирует текущие эмоции Мо Лина.

Фэн Цзюцин расплылся в улыбке:

— По рукам!

Системка закрыла глаза и спустя мгновение произнесла:

— Система зафиксировала у Мо Лина следующие эмоции: неверие и крайняя степень ярости.

Фэн Цзюцин опешил:

— Системка, ты точно не ошиблась?

Системка хлестнула его хвостом:

— Разумеется, продукция Системы не ошибается.

Фэн Цзюцин почесал Системку за ушком:

— Эм, если мне не изменяет память, на Северных рубежах ты говорила то же самое, а в итоге чуть не погубила меня.

Системка покраснела и сбавила тон:

— То... то была случайность! В этот раз результат абсолютно верный! Моим статусом Системы клянусь!

— Ладно, отец тебе верит.

Если Система не врет, то неверие еще можно понять — он сам осознавал силу своего танца, но почему Мо Лин в ярости?

Неужели его выступление перед публикой пробудило в Мо Лине собственнические чувства, и он приревновал? Кто бы мог подумать, что его Янь-эр такой ревнивец. Ну ничего, позже я его утешу.

Тем временем в кабинете в передней части Башни Ситай хозяина заведения пригласили к князю Чжао. Тот опустил глаза, скрывая истинные чувства, и принял вид подобострастия.

— Приветствую Ваше Высочество.

Князь Чжао будто не слышал его. Он жестом приказал служанке вытереть уголок рта и лишь спустя долгое время произнес:

— Вставай.

На лице хозяина Башни не дрогнул ни один мускул, он по-прежнему оставался сама почтительность.

Князь Чжао пристально посмотрел на него, и на его лице наконец появилась улыбка:

— Синьуй, в Башне Ситай появился такой талант, а ты решил скрыть его от меня. Уж не замышляешь ли ты что-то против меня?

Хозяин Башни, только что поднявшийся, снова рухнул на колени, дрожа от страха:

— Не смею, Ваше Высочество! Просто этот человек не был воспитан в стенах Башни, и я побоялся, что, поспешив представить его Вам, могу лишь вызвать Ваш гнев. Поэтому я оставил его в Башне в качестве Первого номера. Это моя вина, прошу, помилуйте!

Князь Чжао равнодушно отпил чаю, прополоскал рот, и когда служанка снова вытерла ему губы, спросил:

— Значит, он не из твоих воспитанников?

Хозяин Башни склонил голову:

— Минцина продали в Башню несколько дней назад. Сначала я хотел отправить его к тем, что в подземельях. Но у Минцина столь выдающаяся внешность и таланты, что я решил использовать его по назначению и сделал Первым номером.

— Проверял его прошлое?

Хозяин Башни кивнул:

— Проверял. Родословная чиста, он побочный сын цензора Гу. После того как цензор Гу прогневал Великого наставника и был казнен, он, как сын преступника, скитался, пока не дошел до Цзяннина.

<http://bllate.org/book/21502/2203464>